

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Индекс УДК 882; 82-92

Код ГРНТИ 19.45.11

DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-106-118

Д.С. МОСКОВСКАЯ*

Творчество нобелевских лауреатов Б.Л. Пастернака и М.А. Шолохова: опыт интеграции в западную систему референций (1930–1970-е гг.)

В рамках проекта была поставлена задача осветить с возможной полнотой рецепцию русских советских писателей-нобелятов в странах, национальные языки которых, став средством международного общения, способствовали распространению созданных Б.Л. Пастернаком и М.А. Шолоховым литературных шедевров по всему миру. Осуществлённые в 1930-х – 1950-х гг. переводы романов «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Доктор Живаго» оказались важным идейно-эстетическим фактором, повлиявшим на мировые историко-идеологические процессы. Авторы проекта впервые обратились к рассмотрению журнальной и газетной периодики, критические отзывы в которой стали основной формой освоения творчества лауреатов. Знакомство западных читателей с творчеством Михаила Шолохова началось уже в 1930-е гг., значительно опередив встречу с Борисом Пастернаком, имя которого до публикации перевода его романа было почти неизвестно зарубежному читателю. Противопоставление Шолохова Пастернаку, спровоцированное большой политикой, не смогло заглушить те голоса, которые подчёркивали единство русской романной традиции и равноправие советских номинантов в её продолжении.

Ключевые слова: Нобелевская премия по литературе, Шолохов, Пастернак, периодика, критика, рецепция, политика, культурные конвенции, сравнение, кросс-культурная коммуникация, региональная литература, литературный канон, жанр

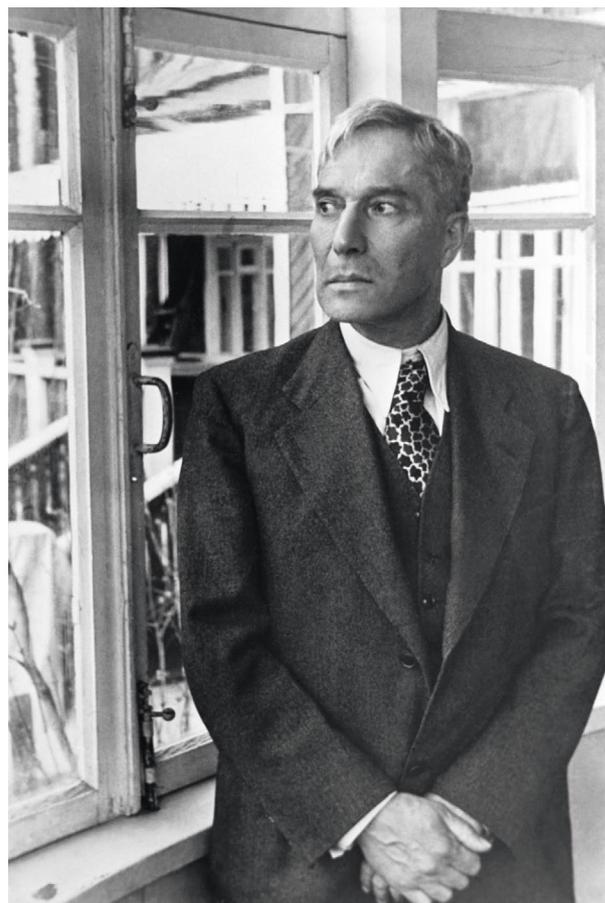
Авторы проекта впервые обратились к рассмотрению путей и форм освоения зарубежным сознанием творчества двух советских лауреатов Нобелевской премии Бориса Леонидовича Пастернака (1890–1960)

и Михаила Александровича Шолохова (1905–1984) в сопоставительном аспекте — впервые, поскольку к монографическому исследованию рецепции творчества каждого из писателей учёные обращались и прежде (см., например: [1–10]). Источ-

* **Московская Дарья Сергеевна** — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая Отделом рукописей Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, руководитель проекта «Нобелевские лауреаты Б.Л. Пастернак (1958) и М.А. Шолохов (1965) в европейской кросс-культурной коммуникации. Новые материалы к истории русской литературы 1930–1960-х гг.» (20-012-00539). E-mail: darya-mos@yandex.ru

никовой базой впервые стал массив предвоенной и послевоенной зарубежной газетной и журнальной периодики, который позволил расширить горизонты восприятия русской советской литературы как в ранние 1930-е гг., в период «узнавания» зарубежным читателем и критиком рождённой революцией пролетарской культуры, так и в годы острой политической конфронтации с СССР – во времена «холодной войны».

Предметом изучения стала также реакция советских критиков и литературоведов на зарубежные отклики, которая помогла определить основные точки соприкосновения и отталкивания представителей единого эстетического и ценностного англо-французского литературного канона с литературой местной, с точки зрения западного критика – региональной. Этот ракурс объясняет новаторский характер проекта, поскольку историко-литературному анализу оказались подвергнуты не только сопоставительное прочтение двух великих романов о русской революции («Тихого Дона» и «Доктора Живаго») на Западе, но само до- и послевоенное американское и европейское сознание в столкновении с советским самосознанием. Последнее было обеспечено изучением не фрагментов, исключительно связанных с оценкой творчества советских нобелиатов, которое преобладает в исследованиях такого рода, а полнотекстовой версии отзывов. В этих, как правило, многостраничных обзорах литературной жизни представлен широкий политико-идеологический контекст кросс-культурной коммуникации, в которой нашлось место и обсуждению переводов советских романов. Эти обзоры позволяют оценить состояние национального самосознания воспринимающей чужую культуру страны, учесть социально-политические обстоятельства и культурные конвенции, превратившие в конце концов того или иного писателя в мировую величину.

Ил. 1. Б. Пастернак. 1935 г.

Ист.: <https://www.flickr.com/photos/pimu/50543707087/>

Англо-американская рецепция творчества М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака

Первый и единственный в англоязычном мире известный перевод «Тихого Дона» был осуществлён в Великобритании Генри Стивенсом (псевд. Стефан Гарри). И хотя в СССР перевод подвергся острой критике, потребовавшей оправданий со стороны переводчика, роман сразу приобрёл большую популярность: в 1934 г. его выпустили десятью изданиями с беспрецедентным общим тиражом в 98 150 экземпляров [11]. Как пишет М. Эспань, «возможность сравнения определяется существованием некоего общего фундамента» [12, с. 39], в данном случае – общеевропейской романной формы, и закономерно, что одним из действенных рекламных ходов при публикации шолоховского эпоса в США оказалась цитата из М. Горько-

Ил. 2. М. Шолохов. 1920-е гг.
ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 1

го, сравнившего «Тихий Дон» с романом Л. Толстого «Война и мир». При этом часто подчёркивалось, что «в стране, где библиотеки закупают книги, а вкусы критиков определены мнением правящей партии, и где даже решительно бездарные произведения часто имеют большой успех» (А. Назаров), «Тихий Дон» решительно не похож на «запланированную» (Э. Симмонс), «мундирную» (А. Каун), созданную в ответ на социальный заказ идеологически ангажированную литературу.

Главным аргументом для критиков был знаменитый финал «Тихого Дона» и заключительные главы «Поднятой целины». Шолохов создал романы с нетипичными для советской литературы несчастливыми концами. В этой «примитивной, маргинальной стране», как охарактеризовала СССР М. Маршалл, где «власть сознательно и жёстко отвергла европеизированную русскую культуру», объявив «социалистический реализм», представляющий собой «не что иное, как простой репре-

зентационизм, который Сталин, будучи крестьянином, способен понять», роман Шолохова дал пример «реализма более высокого уровня». В конце статьи критик отдаёт дань Шолохову «за безошибочную ноту ностальгии» в первых главах романа, где воссоздана жизнь донских казаков до 1914 г., и «за его любовь к природе, которая близка к осуждённому за контрреволюционность мистицизму» [13, р. 36]. Стефан Гарри отмечает в финале «Поднятой целины» верность автора подлинному гуманизму: «Последние пять страниц “Поднятой целины” посвящены глубоко личной беде. В этом он верен себе: во всех работах его прежде всего волновала судьба личности, “судьба человека”» [11, с. 30].

Тема войны, центральная для «Тихого Дона», была в 1941 г. переосмыслена в контексте войны с фашизмом, ведшейся на тех же исторических территориях, где воевали шолоховские герои: «Сегодня над степями снова штормит — это новости с восточного фронта, и новая война придаёт этой книге современное звучание, демонстрирующее, как ожесточённо и изобретательно будут сражаться русские, защищая свою землю» [14].

Романы Шолохова получили у американских критиков жанровое определение — социальный роман: это «мелодрама с дистанционным управлением, которая переносит политику с заднего плана в гущу человеческих жизней» [15, р. 206]. Другой замеченной англоязычной критикой чертой шолоховского творчества стала его региональность: страна, которую любит Шолохов, — «это не “русская земля”, а вполне определённое место на берегах Дона» [14, р. 226].

Трагическая судьба автора романа «Доктор Живаго» не стала триггером, способным оттолкнуть англо-американскую критику от шолоховского творчества. Первое упоминание о Пастернаке в Британии появляется в ноябре 1957 г., и, судя по заголовку, в тот момент он был мало известен английскому читателю и потому фигурирует как «поэт» без указания

Ил. 3. М. Шолохов среди колхозников станицы Вёшенской. 1930-е гг.
ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 11

имени [6, с. 284–294.]. В 1965 г. британская газета «Гардиан» свидетельствовала о «Тихом Доне», что это «самый великий русский роман из опубликованных в последние 80 лет за малым исключением — “Воскресения” Л. Толстого и “Доктора Живаго»» [16, р. 9].

Шведская рецепция М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака

Когда в Стокгольме должен был решиться выбор в пользу Ивана Бунина, рубрика «Книги для чтения» рекомендовала читателям роман «Тихий Дон». Ещё через полгода, 14 января 1935 г. страницы газеты украшала большая рецензия на «Поднятую целину» в шведском переводе. Отзыв на «Поднятую целину» Э.В. Ульссона первым связал имя советского писателя с Нобелевской премией. Месяц спустя Ивар Лу-Юханссон рекомендовал в кандидаты премии по литературе Михаила Шолохова. Столь благосклонная к Шолохову ситуация послевоенных сороковых

использована не была, а в пятидесятые ветер поменялся и в стране, и в мире: в 1957 г. разразилась сенсация – итальянская публикация «неортодоксального романа» Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Рецензент «Даген нюхетер» замечает, что Пастернак пишет роман, становящийся «самым убедительным прозаическим произведением, которое русский писатель сумел преподнести нам со времени создания Шолоховым “Тихого Дона”» [17, s. 4].

В послевоенной Швеции Шолохова постепенно перевели в разряд анахронизмов, а главным в восприятии личности писателя становится не его творчество, а его политическое кредо. Свен Вальмарк первым запустил антишолоховский пиар, отрицая, в том числе, и право этого советского писателя на Нобелевскую премию по литературе. И тем не менее, если Пастернака называли «внутренним эмигрантом», то и о Шолохове судили по его «молчанию»: это тоже был «эмигрант во внутренний мир». Наконец, в се-

Ил. 4. М.А. Шолохов. 1937 г.
ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 8

редине октября 1965 г. из Стокгольма пришло долгожданное известие, и, несмотря на вышедшую в 1974 г. из печати в «ИМКА-пресс» книгу Д.* (И.Н. Медведевой-Томашевской) «Стремя “Тихого Дона”», Шолохов сохраняет в Швеции ореол одного из самых крупных советских писателей. Шолохов и Пастернак видятся шведской критике равноценными в литературном отношении величинами, но стоящими на разных полюсах в идеологических столкновениях эпохи.

Немецкая рецепция М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака

От бескомпромиссного апологетизма к скепсису и бойкоту – так развивается в последнюю треть века рецепция Шолохова в объединённой Германии. К массовым изданиям книги Шолохова в Западной Германии отнести трудно: «Тихий Дон» в знакомом переводе О. Гальперн вышел в полном виде впервые в 1959 г. [18]. Монографические работы западногерманских

исследователей о Шолохове исчисляются единицами, при этом диапазон его восприятия неизменен: «от литературного партийца до enfant terrible» [19]. До 1933 г. немцы интересуются новой советской литературой, а переводчики, издательства и критики удовлетворяют этот интерес.

В послевоенной ГДР была сделана попытка национальной «перезагрузки», и советская литература, особенно книги такого масштаба, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина», были чрезвычайно востребованы. Шолохов накануне получения Нобелевской премии был представлен амбивалентно. С одной стороны, он погружён в общественно-партийную работу на своей родине: писатель, член ЦК КПСС, депутат Верховного совета, но не бюрократ – ему важны «планы строительства, проекты по орошению земли, жилищная программа области». Сталинскую премию 1941 г. он пожертвовал в фонд обороны, Ленинскую премию за «Поднятую целину» отдал на строительство школы.

Объединение Германии создало совершенно новую ситуацию для развития германо-российских отношений. В обстоятельной статье «Михаил Шолохов – незнакомая земля?» В. Байц отмечает, что прежде Шолохов был одним из популярнейших во всём мире романистов, но со времён противостояния двух сверхдержав США и СССР в «холодной войне» он стал вдруг «спорным», и полемично фиксирует: «в западногерманском пространстве, вплоть до левого спектра включительно, содержатся спекуляции и невероятно ошибочные приговоры; пришло время взвешенной оценки русского писателя, который является самым значительным романистом XX столетия с Нобелевской премией за 1965 год» [20, s. 547].

Нобелиаты М.А. Шолохов и Б.Л. Пастернак в итальянской рецепции

На фоне сложившейся в Италии в 1957 г. общественно-политической ситуации с её жёстким противостоянием

Ил. 5. М. Шолохов среди пионеров в станице Вёшенской. 1940 г.
ОР ИМЛИ. Ф. 143. Оп. 2. Ед. хр. 16

левой интеллигенции и компартии практически одновременно были обнародованы переводы ключевых для советской литературы XX в. романов «Доктор Живаго» и «Тихий Дон», что дало дополнительный импульс к их сравнению. Тон противопоставлению Пастернака и Шолохова задавала партийная критика в лице члена компартии К. Салинари. Критики-коммунисты увидели в романе Пастернака «искусство, обращённое назад, к прошлому: закат, пусть самый прекрасный, всё равно закат» [10, с. 97]. Эссе Салинари, написанное в соответствии с установками официальной советской критики и отражавшее позицию итальянской компартии, утверждало приоритет «реализма» Шолохова по отношению к «декадентству» Пастернака.

Однако независимая литературная критика сочла «неуместным» такое сравнение (Дж. Джудичи, М.К. Оттавиани) и поддержала мнение Нобелевского комитета, присудившего премию Пастер-

наку «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа», отметив, что эта премия в лице Пастернака присуждена всей великой русской поэзии XX в. В этом контексте писатель и литературный критик Джозе Риманелли призывал оценивать книгу Пастернака вне «отталкивающего политического контекста», созданного «невежеством советских властей». Если бы не травля писателя на родине, возможно, имя Пастернака не прогремело бы за рубежом, а его роман «Доктор Живаго» оценили бы совершенно по-другому [10].

В оценке творчества Шолохова итальянская критика проявила большее единодушие, что следует из многочисленных статей и интервью, сопровождавших приезд Шолохова в Италию в 1959 г. [21], а затем и откликов критики в 1965 г. в связи с присуждением ему Нобелевской премии.

Ил. 6. Б. Пастернак читает телеграмму о присуждении ему Нобелевской премии. Слева Нина Табидзе, справа Зинаида Пастернак. Переделкино, 23 октября 1958. Ист.: <https://pastvu.com/p/863888>

Восприятие творчества М.А. Шолохова и Б.Л. Пастернака во Франции 1950–1960-х гг.

Уже в 1930 гг. наметились две разные доминанты во французской рецепции творчества Шолохова. Одна определялась интересом к русской литературе и русскому мифу, восходящему к концу XIX в., когда была опубликована книга Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» (1886) и начался массовый перевод на французский произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского. В этом контексте читается и переводческая работа В. Сухомлина над «Тихим Доном». Другой формой освоения шолоховского романа была издательская политика СССР, направленная на распространение советской культуры за рубежом. Об этом свидетельствует публикация А. Оран и Ж. Ру, осуществлённая под эгидой компартии в издательстве «Editions sociales internationales». Немаловажную роль в издании произведений Шолохова и о Шолохове в 1930-е гг. сыграл Международный конгресс писателей в защиту культуры, а также разви-

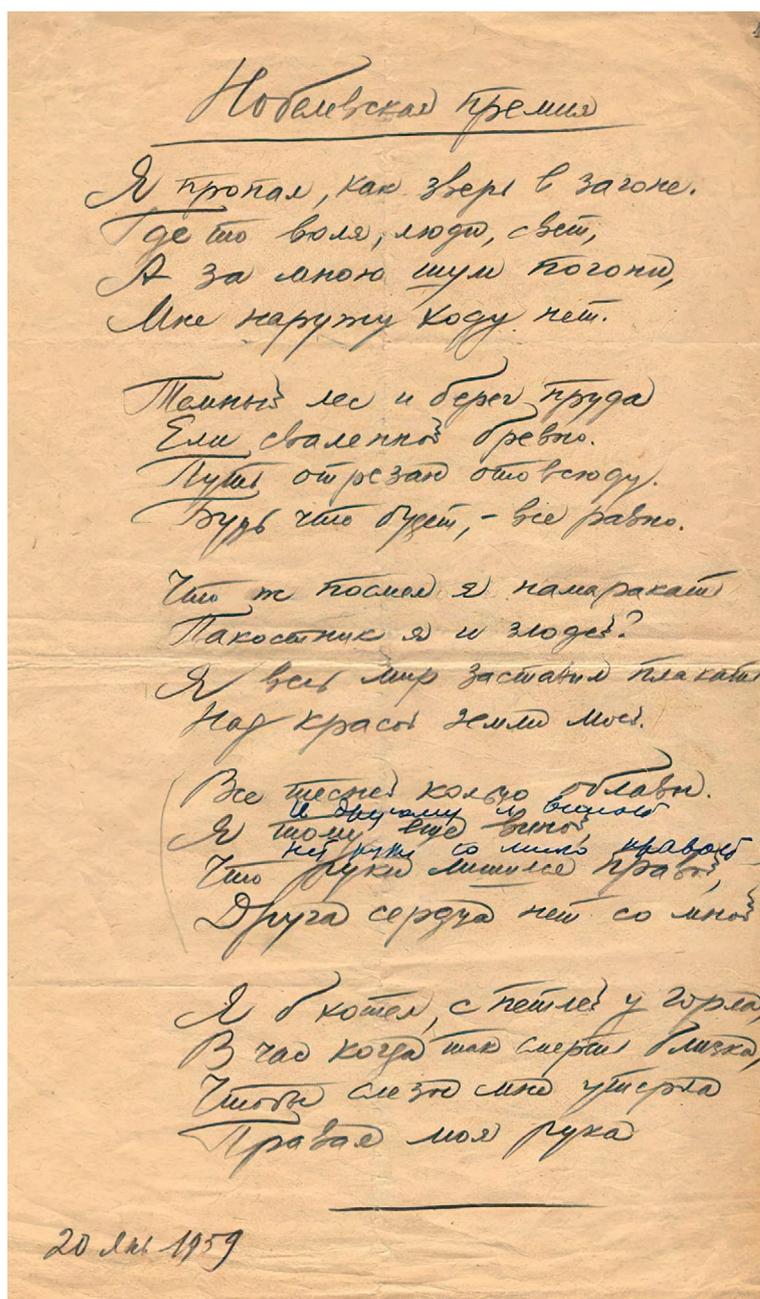
тие Луи Арагоном, Полем Низаном и др. теории социалистического реализма во Франции.

Первый этап восприятия творчества Шолохова происходил в широком интермедиальном контексте, где большую роль играло кино. По смежности романы Шолохова воспринимались через призму фильмов С. Эйзенштейна, особое внимание благодаря отзывам критика Жоржа Альтмана привлёк его фильм «Генеральная линия». В 1933 г. в неидеологизированном издательстве «Галлимар» выходит «Поднятая целина»: перевод делался сразу после публикации книги в СССР. Название оказалось трудным для переводчиков, которые передали его как «Распахиватели». К тому же текст заканчивался раньше времени – на 33-й главе (где бабы бьют коммуниста Давыдова), что спровоцировало некоторых недоброжелателей поддержать фальсификацию: «Читайте новый роман Шолохова! Читайте, как русские бабы приветствуют мордобоем Давыдова – красного комиссара в колхозе на Дону!..»

В целом литературную ценность романа определяли его документальной основой [22, р. 2, 5]. В мае 1935 г. Ромен Роллан в знаменитой статье «О роли писателя в современном обществе» подчёркивал, что лучшие из новых произведений советской литературы – к ним он отнёс роман Шолохова «Тихий Дон» – продолжают великую реалистическую традицию русской классики. В 1950-е гг. выходит новый перевод «Тихого Дона», выполненный театральным деятелем Антуаном Витезом («Le Don Paisible»). Когда Витез работал над переводом и готовил его публикацию, он находился под большим влиянием Л. Арагона. После выхода в свет этой книги критики сравнивали её с произведениями Л.Н. Толстого, Э. Хемингуэя, Стендаля. Именно этот перевод будет в центре внимания во время присуждения Шолохову Нобелевской премии.

Критика 1960-х гг. во многом продолжает обе тенденции, намечившиеся в 1930-е гг. Сравнение с Л.Н. Толстым как автором «эпопеи» доминирует во многих статьях. Присутствует также более или менее скрытое сравнение «Тихого Дона» с «Доктором Живаго». Авторы прокоммунистического журнала «Комба» утверждают, что Нобелевская премия была дана Шолохову как «компенсация» за Пастернака.

Что касается Пастернака, то, несмотря на переводы, вышедшие во французской версии журнала «Интернациональная литература», его поэзия была мало известна французскому читателю. Настоящее знакомство с писателем начинается только после присуждения Нобелевской премии

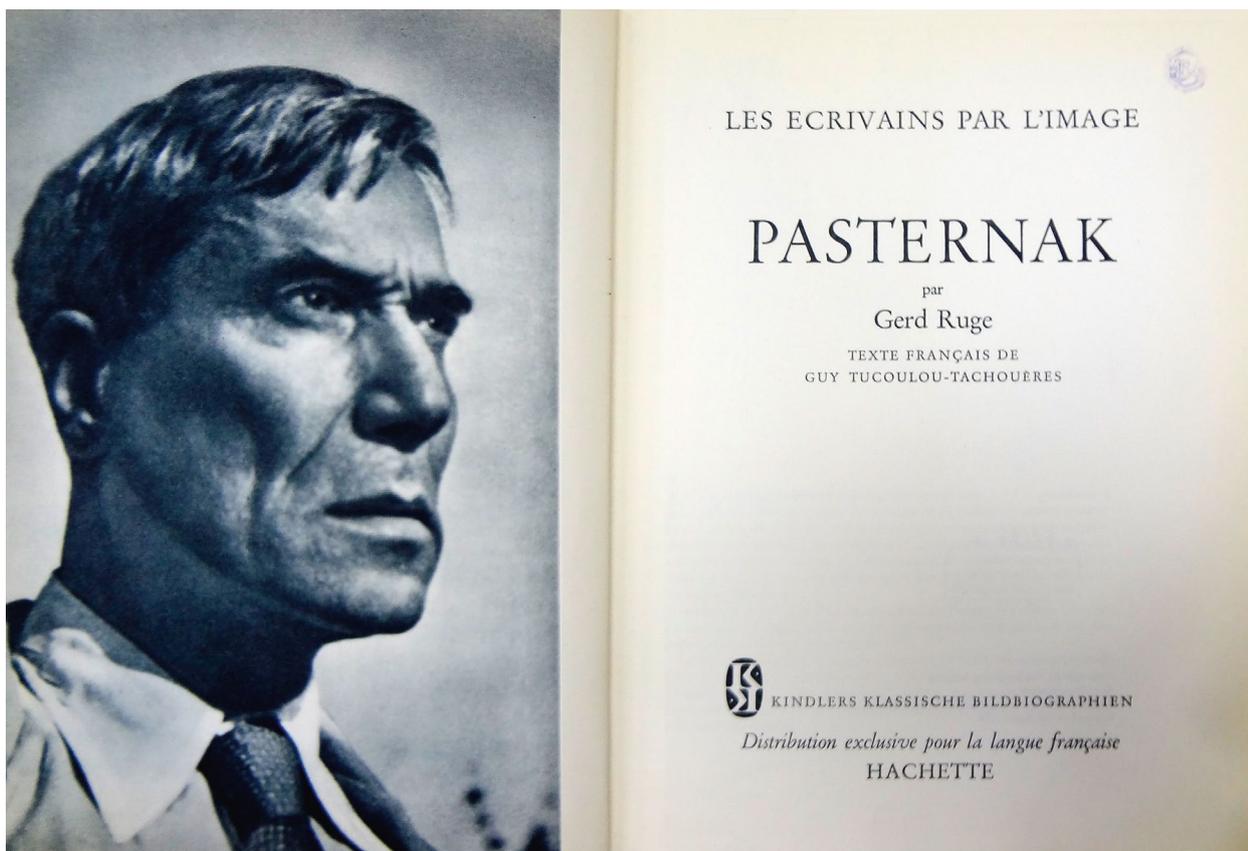

Ил. 7. Автограф стихотворения Б. Пастернака «Нобелевская премия». 20 января 1959.

Ист.: <https://ruverses.com/autographs/boris-pasternak/nobel-prize/>

в 1958 г. и связано с переводом «Доктора Живаго».

Большую роль в присуждении Нобелевской премии Пастернаку сыграл А. Камю, высоко ценивший его поэзию. Французская издательская политика в отношении Пастернака и рецепция его творчества во многом зависели от Л. Арагона и Э. Триоле, считавшей Пастернака конкурентом и почти врагом Маяковского.

Ил. 8. Титульная страница книги Герда Руге «Пастернак» в переводе на французский язык. Paris: Hachette, 1959

Издательство «Галлимар» в 1964 г. выпустило в свет первую и вторую часть книги «Поднятой целины» в новом переводе. В большом предисловии к первой книге романа говорится об исключительной смелости Шолохова как писателя-историка. Присуждение Шолохову Нобелевской премии 1965 г. вызвало горячее одобрение на страницах большинства газет Франции.

Имя Б.Л. Пастернака в реакции испаноязычной прессы на Нобелевскую премию М.А. Шолохова

Как известно, ранние переводы «Тихого Дона» в Испании были выполнены с немецких или французских переводных версий [см. подробнее: 23]. Испаноязычные отзывы о творчестве русских нобелиатов позволяют сделать вывод, что имя Бориса Пастернака возникало

в связи с творчеством Михаила Шолохова чрезвычайно часто, чаще, чем имя Ивана Бунина. Интересно, что Пастернака упоминали как критики, так и апологеты официальной советской литературы, и делали это для того, чтобы оценить, не была ли и премия 1965 г. политическим жестом, а также противопоставить писателей друг другу.

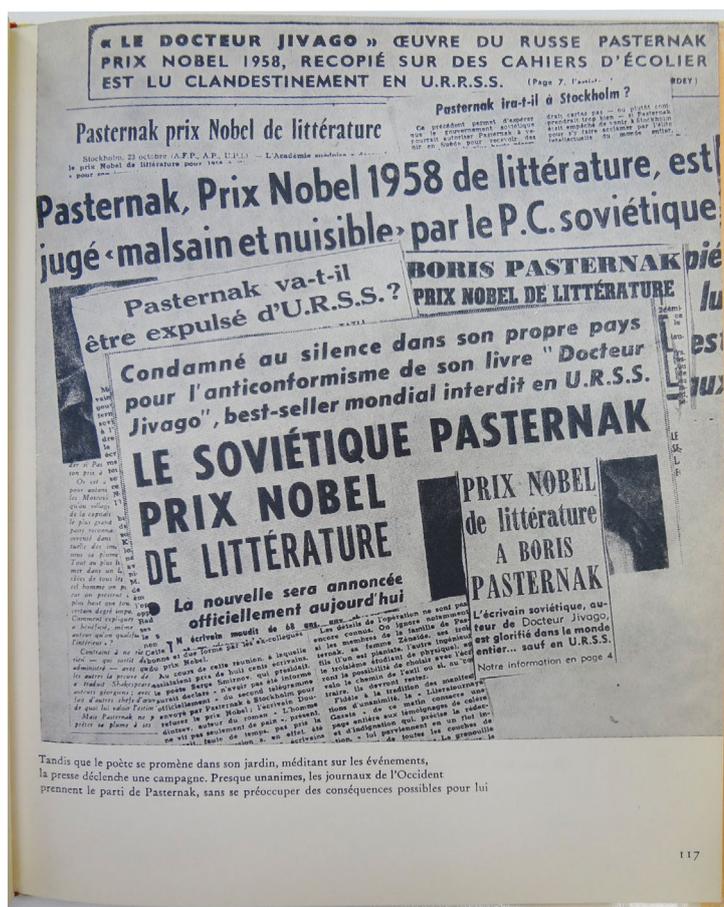
В глазах испаноязычной читающей аудитории два советских нобелиата всегда оставались антиподами. При этом испаноязычной критике было особенно свойственно мифотворчество. Авторы часто превращали Шолохова в непосредственного участника описываемых им событий, в бывшего казака и ветерана советской революции. Что касается Пастернака, то Фернандо-Гильермо де Кастро создавал своего рода «антимиф», когда возмущался тем, что Пастернак не участвовал в Первой мировой войне, «не марал руки о револю-

цию» и оставался равнодушным и спокойным, пока «революционные поэты» Блок, Есенин и Маяковский «один за другим» кончали жизнь самоубийством. На его фоне роман Шолохова описывается как «трепещущий» и «очаровывающий», «историческая справедливость — и ничего больше». Любопытно, что автор пытается обоих оценивать по «заветам» Хемингуэя: Шолохов им следует (причём уже в годы написания «Тихого Дона»), а Пастернак — нет.

Выводы

Обращение к рецепции творчества Бориса Пастернака и Михаила Шолохова, запечатлённой в огромном массиве предвоенной и послевоенной зарубежной газетной и журнальной периодики, обеспечило переход исследования кросс-культурной коммуникации на социоантропологический уровень, представляющий этос составлявших её отдельных лиц и обнаруживающий новые мотивы в её истории.

Так, знакомство англоязычных читателей с «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» Шолохова началось уже в ранние 1930-е гг., чему немало способствовало наличие широких просоветски настроенных слоёв западного общества, характеризующихся общим интересом к советской стране, стране сбывающейся коммунистической утопии. В то же время «регионализм» Шолохова — певца Донщины имел аналогии в истории американской литературы первой половины XX в., а эпический размах его полотна — на фоне всё усложняющейся политической обстановки в мире — вызывал ассоциации с широкими полотнами национальной жизни, созданными Львом Толстым, Голсуорси, Ремарком и родившимися советского писателя с классиками мировой литературы.

Ил. 9. Коллаж из французских отзывов о присуждении Б. Пастернаку Нобелевской премии. Страница из книги Герда Руге «Пастернак» в переводе на французский язык. Paris: Hachette, 1959

В отличие от Михаила Шолохова Борис Пастернак, раскрывшийся в 1920-е гг. прежде всего как поэт, воспринимался на Западе прямым наследником утончённой культуры Серебряного века и высоких духовных традиций русской классической поэзии. Именно поэтому позднее открытие творчества Пастернака-прозаика на Западе происходило подчас в формах противопоставления его «политически ангажированному» Шолохову. Это стало данью большой политике и личному выбору рецензента, что лишний раз подтверждает: институт критики, впрочем, как и институт писательства, представляет собой социологический субстрат литературы. В социологической перспективе оценки западных рецензентов принадлежали прежде всего рынку идеологических

ценностей. И тем не менее американский литературовед Роберт Клементс сумел аргументированно соединить изменчивую политическую конъюнктуру, которой чутко внимали шведские академики, с имманентными ценностями мировой литературы. Представив в статье «Политизирована ли Нобелевская премия?», опубликованной по итогам выдвижения нобелевских лауреатов 1965 г., достаточно прихотливую «политическую» логику Шведской академии и предложив поясняющую её модель «маятника», согласно которой каждый новый лауреат «компенсирует» политические перегибы предыдущего выдвижения или же «наказывает» политически скомпрометированные страны, Клементс заканчивает статью на совершенно другой ноте. Он напоминает читателям, что премия по литературе, согласно завещанию Альфреда Нобеля, должна присуждаться авторам «наиболее выдающихся произведений идеалистиче-

ской направленности». Закономерен вопрос: какую связь с «презренной» политической игрой может иметь выдающееся литературное произведение, отмеченное возвышенным идеализмом? Клементс отвечает: «Поскольку политика в её лучшем проявлении – со времён Платона – это попытка найти утопическую форму правления, и поскольку литература является выражением общества, а также человеческой индивидуальности, постольку Нобелевская премия по литературе вряд ли может быть освобождена от политики».

Для самого общего вывода, следующего из пёстрых оценок политически ангажированной зарубежной критики права советских писателей Бориса Пастернака и Михаила Шолохова на звание нобелевских лауреатов по литературе, может быть использована формула Ф. Моретти: «то, как мы представляем себе мировую литературу, отображает наше видение мира» [24, с. 173].

ЛИТЕРАТУРА

1. Прийма К.И. «Тихий Дон» сражается. Ростов-на-Дону: Ростовское кн. изд-во, 1972.
2. Хмыров А.А. М.А. Шолохов в англоязычных странах: Переводы. Литературоведение. Критика: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
3. Алеев Р.В. М.А. Шолохов в западном литературоведении и литературной критике: Писатель в диалоге и противостоянии культур 1950–1990-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2006.
4. Стопченко Н.И. М.А. Шолохов в Германии (1929–2011): диалог культур-цивилизаций. М.: Вузовская книга, 2012.
5. Марченко Т.В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München; Wien: Böhlau Verlag, 2007.
6. Маньковская С.А. Нобелевская премия Б. Пастернака в британской газетной хронике Октября 1958 г.: от присуждения к отказу // Русская классика. Вып. II: Фет. Чехов. Пастернак. Пришвин: Сборник научных статей М.: Древлехранилище, 2021. С. 284–295.
7. Флейшман Л. Борис Пастернак и Нобелевская премия. М.: Лексрус, 2015.
8. Толстой И.Н. Отмытый роман Пастернака: «Доктор Живаго» между КГБ и ЦРУ. М.: Время, 2009.
9. Allén S., Espmark K. The Nobel Prize in Literature. Stockholm, 2001.
10. «Доктор Живаго»: Пастернак, 1958, Италия. М.: Река времён, 2012.
11. Московская Д.С. М.А. Шолохов в англоязычной кросс-культурной коммуникации: к истории перевода романа «Тихий Дон» на английский язык // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 8. Вып. 61. С. 26–33.
12. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
13. Margaret Marshall. Notes by the Way // The Nation. August 16. 1941.

14. Malcolm Cowley. Black Earth // The New Republic, T. 105. 1941, August 18. Pp. 225–226.
15. Kenneth White. The Social Novel // The New Republic, December, 25. 1935. T. 85. P. 206.
16. Б/п. Mikhail Sholokhov. Novelist of Action // The Guardian, October 16. P. 9.
17. Wizelius I. Pasternaks nya roman // Dagens nyheter, 4.12.1957. S. 4.
18. Michail Scholochow Der stille Don Roman in 4 Büchern / Übers. von Olga Halpern. Moskau: Verl. für fremdsprachige Literatur, 1951–1954. 4 Bd.
19. Robert Hotz. Sie kämpften für die Heimat: Michail Scholochow als Schriftsteller, Parteiliterat und «Enfant terrible». Bern, Frankfurt M.: Peter Lang International Academic Publishers, 1972.
20. Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognita? // Utopie kreativ. 2006, Juni. H. 188. S. 542–552.
21. Ариас-Вихиль М.А., Московская Д.С. Нобелевская премия Б. Пастернака (1958) и М. Шолохова (1965) в оценке итальянской критики // Учёные записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6 (45). С. 713–719.
22. Cholokhov M. Les defricheurs. Traduit du russe par D. Ergaz. 5-e ed. Paris, Gallimard, 1933.
23. Симонова М.В. К истории переводов романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» в Испании // Учёные записки Орловского государственного университета. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 3. С. 134–138.
24. Моретти Ф. Дальнее чтение. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Works of the Nobel Prize Winners Boris Pasternak and Mikhail Sholokhov: the Experience of Integration into the Western System of References (1930s–1970s)

Daria Sergeevna Moskovskaya – Dr. habil. (Philology), chief researcher, head of the Department of Manuscripts of Gorky Institute of World Literature RAS, head of the project ‘Nobel Prize Winners Boris Pasternak (1958) and Mikhail Sholokhov (1965) in European Cross-Cultural Communication. New Materials on the History of Russian Literature in the 1930s–1960s’. (20-012-00539).

E-mail: darya-mos@yandex.ru

The project’s goal was to cover as comprehensively as possible the reception of the Russian Soviet novelists in the countries, the national languages of which, being the means of international communication, helped spread the literary masterpieces created by Boris Pasternak and Mikhail Sholokhov worldwide. The translations of the novels *And Quiet Flows the Don*, *Virgin Soil Uplturned*, *Doctor Zhivago* in the 1930s–1950s proved to be an important ideological and aesthetic factor influencing the global historical and ideological processes. For the first time, the authors studied journals and newspapers that published critical reviews of the works by the Nobel-winning authors. The introduction of Mikhail Sholokhov’s work to Western readers began as early as the 1930s, far ahead of the introduction of Boris Pasternak, whose name was practically unknown to foreign readers before the publication of his translated novel. The antagonism of Sholokhov to Pasternak, provoked by big politics, failed to muffle those voices, which emphasized the unity of the Russian novel tradition and the equality of Soviet nominees throughout its history.

Keywords: Nobel Prize in Literature, Sholokhov, Pasternak, periodicals, criticism, assimilation, politics, cultural conventions, comparison, cross-cultural communication, local literature, literary canon, genre

REFERENCES

1. Priima K.I. «Tikhii Don» srazhaetsya. Rostov-na-Donu: Rostovskoe kn. izd-vo, 1972 (in Russian).
2. Khmyrov A.A. M.A. Sholokhov v angloyazychnykh stranakh: Perevody. Literaturovedenie. Kritika: Diss. ... kand.filol. nauk. M., 2005 (in Russian).
3. Aleev R.V. M.A. Sholokhov v zapadnom literaturovedenii i literaturnoi kritike: Pisatel' v dialoge i protivostoyanii kul'tur 1950–1990-kh godov: Diss. ... kand. filol. nauk. Samara, 2006 (in Russian).
4. Stopchenko N.I. M.A. Sholokhov v Germanii (1929–2011): dialog kul'tur-tsvilizatsii. M.: Vuzovskaya kniga, 2012 (in Russian).
5. Marchenko T.V. Russkie pisateli i Nobelevskaya premiya (1901–1955). Köln; München; Wien: Böhlau Verlag, 2007 (in Russian).
6. Man'kovskaya S.A. Nobelevskaya premiya B. Pasternaka v britanskoj gazetnoi khronike Oktyabrya 1958 g.: ot prisuzhdeniya k otkazu // Russkaya klassika. Vyp. II: Fet. Chekhov. Pasternak. Prishvin: Sbornik nauchnykh statei M.: Drevlekhranilishche, 2021. S. 284–295 (in Russian).
7. Fleishman L. Boris Pasternak i Nobelevskaya premiya. M.: Leksrus, 2015 (in Russian).
8. Tolstoi I.N. Otmytyi roman Pasternaka: «Doktor Zhivago» mezhdru KGB i TSURU. M.: Vremya, 2009 (in Russian).
9. Allén S., Espmark K. The Nobel Prize in Literature. Stockholm, 2001.
10. «Doktor Zhivago»: Pasternak, 1958, Italiya. M.: Reka vremyon, 2012 (in Russian).
11. Moskovskaya D.S. M.A. Sholokhov v angloyazychnoi kross-kul'turnoi kommunikatsii: k istorii perevoda romana «Tikhii Don» na angliiskii yazyk // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2022. T. 8. Vyp. 61. S. 26–33 (in Russian).
12. Espan' M. Istoriya tsivilizatsii kak kul'turnyi transfer. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018 (in Russian).
13. Margaret Marshall. Notes by the Way // The Nation. August 16. 1941.
14. Malcolm Cowley. Black Earth // The New Republic, T. 105. 1941, August 18. Pp. 225–226.
15. Kenneth White. The Social Novel // The New Republic, December, 25. 1935. T. 85. P. 206.
16. B/p. Mikhail Sholokhov. Novelist of Action // The Guardian, October 16. P. 9.
17. Wizelius I. Pasternaks nya roman // Dagens nyheter, 4.12.1957. S. 4.
18. Michail Scholochow Der stille Don Roman in 4 Büchern / Übers. von Olga Halpern. Moskau: Verl. für fremdsprachige Literatur, 1951–1954. 4 Bd.
19. Robert Hotz. Sie kämpften für die Heimat: Michail Scholochow als Schriftsteller, Parteiliterat und «Enfant terrible». Bern, Frankfurt M.: Peter Lang International Academic Publishers, 1972.
20. Beitz W. Michail Scholochow – eine terra incognita? // Utopie kreativ. 2006, Juni. H. 188. S. 542–552.
21. Arias-Vikhil' M.A., Moskovskaya D.S. Nobelevskaya premiya B. Pasternaka (1958) i M. Sholokhova (1965) v otsenke ital'yanskoi kritiki // Uchyonye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 6 (45). S. 713–719 (in Russian).
22. Cholokhov M. Les defricheurs. Traduit du russe par D. Ergaz. 5-e ed. Paris, Gallimard, 1933.
23. Simonova M.V. K istorii perevodov romana M.A. Sholokhova «Tikhii Don» v Ispanii // Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2008. № 3. S. 134–138 (in Russian).
24. Moretti F. Dal'nee chtenie. M.: Izd-vo Instituta Gaidara, 2016.